

Владимир Брескин

Триада: Метод изучения сущности семиотического единства языка и искусства¹

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является описание нового метода изучения доречевого языка. Предлагаемый подход позволяет соотнести эпистемологию лингвистики с общефилософскими мировоззренческими традициями других научных дисциплин. Метод построен на соответствии трёх лингвистических категорий – существительных, глаголов и междометий, по своим моторным и выразительным качествам, трём основным видам искусства – графике (изобразительному искусству), движению (танцу) и звукам (музыке), и рассматривает подобное соотношение как обусловленное природой рецепторной системы человека. Объясняя фундаментальное единство семиотической природы языка и феноменов искусства и эстетики, метод позволяет провести хронологизацию важных культурных процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Глоттогенез; познание; культура; эволюция языка; невербальная коммуникация; доречевой язык; происхождение языка; происхождение искусства; происхождение эстетики; универсальный синтаксис.

ABSTRACT

The purpose of this paper is to present and describe a new method for studying pre-speech language. The suggested approach allows correlate epistemology of linguistics to the ideological tradition of other scientific disciplines. Method is based on three linguistic categories – nouns, verbs, and interjections in their motor and expressive qualities – and their relation to the three basic forms of art – graphics (visual art), movement (dance), and sound (music). The study considers this correlation as caused by the nature of the human receptor system. This method explains the nature of art and the phenomenon of aesthetics and allows for the chronological arrangement of important cultural processes; it identifies the fundamental unanimity of the semiotic nature of language and art.

KEYWORDS: Glottogenesis; language; cognition; mind; culture; language evolution; nonverbal communication; pre-speech language; origin of art; origin of aesthetics; oral folklore; universal syntax; language universals.

¹ This paper was published in English as: Triad: Method for studying the core of the semiotic parity of language and art. *Signs* vol.3 (2010), 1-28. ISSN: 1902-8822.

ВВЕДЕНИЕ

Период бытования устного народного творчества как живого культурного процесса относительно чётко ограничен только временем его исчезновения – временем популяризации навыков письма. В эволюционном измерении этот промежуток времени занимает ничтожно малый срок. Весь опубликованный багаж образцов устного народного творчества собран только в этот короткий период, и лишь на основе научного анализа можно судить о более древних корнях или происхождении тех или иных текстов или жанров. Вышесказанное относится и к фольклору в целом.

В прошлом остались времена, когда весь комплекс информации (исторической, культурной, бытовой и т.д.) передавался от поколения к поколению изустно, нивелируясь, изменяясь, приобретая и утрачивая оттенки, типизируясь, находя, часто за счёт или при помощи других фольклорных форм, оптимальные пути и приёмы успешного восприятия, передачи и сохранения в памяти. Изобретение письма и популяризация его навыков привело к закреплению устных текстов, революционно изменив способы обмена информацией. Устное народное творчество со всей его наивной архаикой, самоотверженной обезличенностью автора (в современном понимании) заняло своё место как дописьменно-литературный период, ещё некоторое время продолжая оставаться творчеством, альтернативным письменному.

Целью данного исследования является теоретическое обоснование метода, при помощи которого возможно последовательное и более глубокое изучение культурных процессов, их принципов и истоков. Основанная на использовании методического подхода синхронизация эволюции языка с эволюцией человека как вида, рассмотренная на примере периода становления и распространения устного народного творчества (oral folklore), позволяет провести хронологизацию важных культурных процессов. Традиционно изучение истории и самой природы устного народного творчества основано на анализе трансформаций смысла текстов и жанров. Данный метод, в отличие от традиционного подхода, базируется на изучении фундаментальных основ устного народного творчества как части фольклора и фольклора в целом как слагаемой части исторического периода культурной, творческой деятельности человека.

ОБЗОР ТЕМАТИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Неоднократно делались попытки функциональной интерпретации фольклора и искусства в их взаимосвязи с языком. Глубоко изучалась и подчёркивалась важность основных компонентов процесса языковой коммуникации как условия полноценности информационного обмена – графической (изобразительной), жестовой и звуковой презентаций. Выдвигались идеи приоритетности отдельных компонентов, названных выше, в процессе глоттогенеза.

Графическая презентация

В семиотике принято считать рисунок (графический образ) знаком, направленно передающим информацию визуальному восприятию получателя информации.

Известно также утверждение, что графический образ (рисунок) относится к одному из типов иконических знаков (Peirce 1955: 105-107). В то же время Дж. Гибсон утверждает, что рисунки, в привычном смысле, основаны, большей частью, на сенсорной и логической аналогии (Gibson 1982) или, по определению М. Хасслер, на “рисуночной сознательности” – “pictorial consciousness” (Hassler 1991).

Жестовая коммуникация

В 1977 году этнолингвист Рой Эллен представил новый термин – “семиотика тела” (bodily semiotics) в исследовании, посвященном различным путям сегментирования языка тела во многих языках мира (Ellen 1997). Культуры, использующие язык, не включающий в себя языковые различия, к примеру, между кистью руки и рукой, могут построить определенные информационные модели на базе техники движения, объясняющие данную разницу. Организация визуальных жестов, которые кинетически и визуально неразличимы от слов языка знаков, коренным образом отличается от организации вербального языка. В первом случае слово имеет структуру миниатюрного предложения, так как содержит два компонента: активную часть тела и действие, которое она выполняет (Armstrong, Stokoe & Wilcox 1994). В основе “теория жестов” лежит положение о том, что первым языком древнего человека был язык тела, а не звуковые обозначения. Ряд исследований 70-х годов на приматах послужили экспериментальной основой этой гипотезе (Gardner, Gardner 1971; Premack 1971). Язык жестов, или знаков принято считать первичным инструментом коммуникации, тогда как речь – лишь вторичным. И, хотя языки знаков являются ономотопозитичными, знаки представляют вполне законченные черты передаваемой информации (McBride 1973).

Музыкальная теория

Определение речи как совокупности символических звуков, грамматически связанных между собой, было дано в “музыкальной теории” происхождения языка. По мнению авторов теории, воспроизведение и восприятие речевых структур возможно при наличии особого механизма Music Acquiring Device (MAD), от которого в процессе меметической эволюции образовался новый механизм – Language Acquiring Device (LAD). Таким образом, речь отнесена авторами к раннему культурному феномену, а сама древняя способность к песнопению базируется на особенностях физического строения и нейрологического контроля дыхания – элементах, необходимых для воспроизведения современной речи. Вопрос о происхождении языка сводится авторами “музыкальной теории” к изучению вопроса происхождения способности современных людей к песнопению (Vanechoutte, Skoyles 1998). Однако, это исследование не приводит контраргументов факту, представленному зоопсихологом Р. Шовен, который доказал, что некоторые характеристики песни у птиц заучиваются, а не воспроизводятся инстинктивно, не создавая, тем не менее, никаких предпосылок к развитию речи (Шовен 1972). Звуковое оформление по тону, высоте, тембру звука и прочим характеристикам передаваемой речью информации помогает её восприятию. Начиная с первого дня

жизни, новорождённый синхронизирует свои движения со звуками взрослой речи, а его способность усваивать фонетический фон любого из языков сохраняется до 9-го месяца жизни, то есть, до времени сознательного восприятия родного языка (Eimas, Miller, Jusczyk 1987). В то же время, шумы, оторванные от звуков самой речи, имеют низкий коммуникативный индекс.

Совокупность трёх медий

Интересные научные работы посвящены участию всех трёх компонентов в коммуникативных актах, а так же в практике обучения языковым навыкам у детей. Можно наблюдать использование этих медий при попытках общаться с людьми с нарушениями слуха или речи, при общении с животными, в условиях иноязычной среды, а так же в прочих ситуациях, когда использование речи абсурдно или при высокой степени эмоциональной экспрессии. Интонации голоса во время речи, графическая презентация, жестикуляция и язык тела (невербальная семиотика) широко используются и в быту, как, например, при общении матерей с новорождёнными детьми (Condon, Sander 1974).

Что касается понятия фольклор, обобщившего все три медики в один вид культурной деятельности, то оно было определено в середине XIX века как “популярная старина” и включало в себя древние обычаи, празднества, мифы, легенды, сказки и поговорки. Определение фольклора, предложенное Даном Бен-Амосом, объединяет в себе все невербальные и вербальные формы выражения. Артистические формы фольклорного искусства – это, по определению Бен-Амоса, примитивные формы выражения, на которых строится литературное, изобразительное и музыкальное наследие народов (Ben-Amos 1983). Фольклор является уникальным средством коммуникации на всех трёх уровнях – формальном, тематическом и исполнительском, которые исполнители фольклора никогда не используют в других принятых формах коммуникации. Между самими тремя уровнями существует ярко выраженная корреляция, а оба неизменных атрибута фольклора – универсальность и коммунальность – сплетены воедино и объединяют общее и частное в одну концептуальную базу. Атрибут универсальности присутствует в необъяснимой схожести тем, метафор, сюжетов рассказов и высказываний людей, принадлежащих к различным языковым группам. Атрибут коммунальности необходим для всех видов фольклорного творчества, которое, по сути своей, является результатом групповой активности человека (Ben-Amos 1983).

“Формирование символа” в работах Вернера

Хейнс Вернер считал, что любой процесс восприятия нового начинается с недифференцированного уровня (Werner 1957). Он подчеркивал использование в доречевых актах коммуникации визуально-аудио-кинетических способностей в выражении и восприятии языковой информации. Теория микрогенезиса Вернера, как контрверсия гипотезам генетического происхождения языка, обращена к организмическому развитию, рассматривая возникновение языка из недифференцированного состояния, в котором “происходят процессы тела и зарождаются жесты и эмоции” (Werner, Kaplan 1984). Даже на этапе, когда язык становится самостоятельным, он не теряет связи со своим основанием –

организмом, и поэтому многие первые “естественные” символы представляют собой вокализации и моторные имитации предметов и явлений, возникающие из телесно-эмоциональных проявлений. Однако, Вернер утверждает, что слова речи воспринимаются человеком в основном физиогномически, то есть, в каждом слове сохраняется внутренняя, основанная на организме, связь между символом и соответствующим ему объектом или явлением. Приводимые Вернером доказательства такой связи, при идентификации слова как символа, не кажутся убедительными. Как бы мы ни старались создать такое слово, оно, уже в силу субъективности оценки качеств объекта, теряет свой символический смысл. Символизация как многоуровневое ассоциирование представляется невозможной без включения нескольких медий или ряда словесных понятий (концептов), описывающих различные качества объекта (ассоциации), что делает символику уникальной за счёт уникальности самого ассоциативного ряда (совокупности ассоциаций). Человек не мог обладать словарным запасом до того, как стал конструировать первые слова устной речи. Ниже мы рассмотрим формирование мультимедийного *символа* (как доречевой языковой презентации) и его трансформацию в вокальный *знак*, то есть, слово речи.

Ю. Лотман о соответствии знаковой природы языка, культуры и искусства

Ю.М. Лотман, подчёркивая, что целью каждого акта коммуникации является передача идентичных сообщений и создание единого для всего коллектива языка и однозначности взаимопонимания, выделял в механизме культуры и прямо противоположные тенденции, связанные с усложнением социокультурной жизни в целом, и структуры самой личности в частности. В результате этих тенденций, культура приобретает статус совокупности не только семиотических систем (языков), но и всех имевших место сообщений на этих языках (текстов). Человек в борьбе за жизнь включён в два процесса – в процесс потребления материальных ценностей и в процесс накопления сверхгенетической информации, являющейся одним из основных условий человеческого существования. Последний представляет собой сложный механизм не только хранения информации, но и генерирования новых способов её передачи, кодировки и расшифровки, что позволяет определить его как организованный инструмент познания. По мнению Ю. Лотмана, именно с момента возникновения знаков и знаковых систем – языков – возникает специфически человеческая форма накопления информации, а сама культура человечества принимает характер вторичной системы (первичная – принятый естественный язык) и строится как знаковая и языковая (Лотман, Ю. 2002а). Тут, очевидно, речь идёт не столько о “появлении” знаковой системы и знака, а как о факте развития биологической способности человека идентифицировать знаки и систематизировать их синтаксически, в качестве языковых.

Теория частей речи

Важным вопросом языкознания является теория частей речи, имеющая более чем двух тысячелетнюю историю. История этой проблематики представляет собой неравномерный процесс появления и отрицания различных по своему характеру и

содержанию идей, отражающих философские воззрения данного промежутка времени. Своим появлением частеречевая теория обязана самообоснованию диалектического мышления в древнегреческой философии Платона и Аристотеля, и с тех древних времён анализ содержания речи традиционно проводился с гносеологических позиций. Гносеологический анализ и привёл вначале к противопоставлению двух частей речи – имени и глагола, а выделение и описание остальных стало производным, вторичным (Лукин 1999).

ДИСКУССИЯ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

В работах многих исследователей парадигма *язык* часто используется без чёткого контекстуального определения. Это приводит к отсутствию последовательности в изучении предмета исследования, снижает степень научной ценности выводов в результате отождествления значений:

а) *языка как физиологического феномена* – природной способности человека воспринимать окружающий мир в виде системы знаков и выражать себя в соответствии с правилами этой системы при помощи любых физически доступных средств;

б) *языка как семиотического феномена (la langage)* – системы знаков, неречевых и речевых;

в) *речи как медиум*, представляющей собой лишь один из физических способов выражения;

г) *речи как особой форме грамматического упорядочения (la parole) знаковой системы*.

Так, например, в основе теории Универсальной Грамматики лежит положение о существовании в мозге каждого человека определенного, единого для всех языков, комплекта грамматических правил формирования предложений, названного “ментальным органом” (Chomsky 1965). Н. Хомский призывал изучать язык с позиций исследования анатомической и физиологической структуры человеческого организма (Chomsky 1975). Идея биологической, генетически обусловленной способности человека усвоения и использования языка обрела (Anderson, Lightfoot 2002) немало сторонников и послужила толчком для развития ряда научных гипотез. Таких как, например, гипотеза С. Пинкера о ведущей роли естественного отбора при овладении языковыми навыками (Pinker 1994) и Т. Дикона – о параллельном развитии человеческого мозга и способности овладения речью (Deacon 1997). Эти гипотезы объединяет стремление к генетически-адаптационному, или ассимилятивному объяснению происхождения языка и, de facto, отождествление языка и речи на основании отрицания факта возможности синтаксической организации и функциональности языка вне его речевых форм и правил. То же самое относится и к большинству критиков УГ, даже наиболее активных и современных (Evans, Levinson, 2009), контраргументы которых, что не удивительно, не приводят к перспективам самостоятельных гипотез. Наивность попыток объяснения эволюции языка примерами речевых грамматических конструкций только подчёркивает слабость гносеологической позиции таких научных работ и выдвигаемых на их основе аргументаций.

Преждевременными оказались надежды некоторых авторов на исследование гена FOXP2, которое не выявляет его чисто речевого кода. Обнаружение этого

гена в ДНК неандертальца даёт возможность предполагать отношение FOXP2 к более комплексному механизму, чем речь. Таким механизмом вполне может быть язык – то, что уже было определено, как физиологическая способность воспринимать окружающий мир в виде системы знаков и выражать себя в соответствии с правилами этой системы при помощи любых физически доступных средств. Отсутствие чёткого дифференцированного подхода к вопросу о сущности языка и сущности речи, может приводить и к ошибочной трактовке нейробиологических процессов, связанных с языковым актом из-за подмены последнего актом речевым или при анализе этих актов как единого процесса. Упорядоченное представление о сущности языка и сущности речи позволило бы не торопиться с рискованными выводами о навыках речевого языка у неандертальцев и при этом не исключать их способности в использовании другой, достаточно функциональной, формы языковой коммуникации.

Научная литература рассматривает различные аспекты и методы изучения доречевого языка, объясняя лингвистическую природу рисунка, танца и звука с точки зрения их физических качеств. Среди опубликованных источников практически нет никаких свидетельств объяснения данных категорий с точки зрения самой лингвистики. В исследованиях, посвящённых эволюции языка и глоттогенеза, определение сущности языка часто истолковывается сущностью речи, что приводит к тому, что вместо реального объекта исследования, исследуется некое плацебо.

МЕТОД И ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

Эпистемологии научных дисциплин, таких как физика, математика, химия, допускают использование собственных научных критерий и терминов по отношению к описанию окружающей действительности. Мировоззренческий подход с позиции той или иной научной дисциплины является ценным приёмом постановки и решения научных задач. Опираясь на этот опыт, представляется целесообразным взглянуть на мир и с точки зрения лингвистической науки, а, точнее, с точки зрения основ изучаемого ею предмета (языка) и, не пренебрегая древними “отпечатками” основ сущности языка, назвать окружающие нас объекты и явления именами основных лингвистических категорий.

Новый метод – метод Триады – основан на исходном понимании тождественности языка и знаковой сути культуры, что представляет каждый культурный знак как языковой, передающийся всем возможным арсеналом средств доречевого языка или же вербально. Для обоснования метода было выбрано устное народное творчество – часть фольклора, рассматриваемая с ударением на её коммуникативную функцию, а так же как способа передачи тематически связанной информации от поколения к поколению. В основе всех видов и жанров фольклора лежат приёмы и навыки примитивной языковой (доречевой) деятельности. На основании закономерностей их дальнейшего использования в новых, фольклорных, формах можно изучать и механизмы развития современных культурных процессов.

Устное народное творчество уходит своими корнями в действия, несшие чисто языковую, коммуникативную нагрузку, где понятие "устное" ещё не

определилось как таковое ввиду отсутствия речевых форм передачи информации и, следовательно, несёт смысл социально-интерактивного акта, не закреплённого письменными символами.² Отсчёт бытования примитивных форм устного народного творчества и фольклора в целом ведётся от периода овладения человеком речью, а закат этого эволюционно-исторического этапа в способах передачи информации приходится на время изобретения и популяризации письма, а точнее, на период закрепления устных текстов и описания и закрепления всех видов фольклора. Доречевая моторика языковых интеракций – основа фольклора – сопутствовала в качестве вспомогательного средства всем этапам вокализации доречевого словарного запаса и оказалась наиболее удобным средством передачи и хранения информации вплоть до развития навыков и техники письменности. Иными словами, корни фольклора лежат в доречевом периоде языковой деятельности человека.

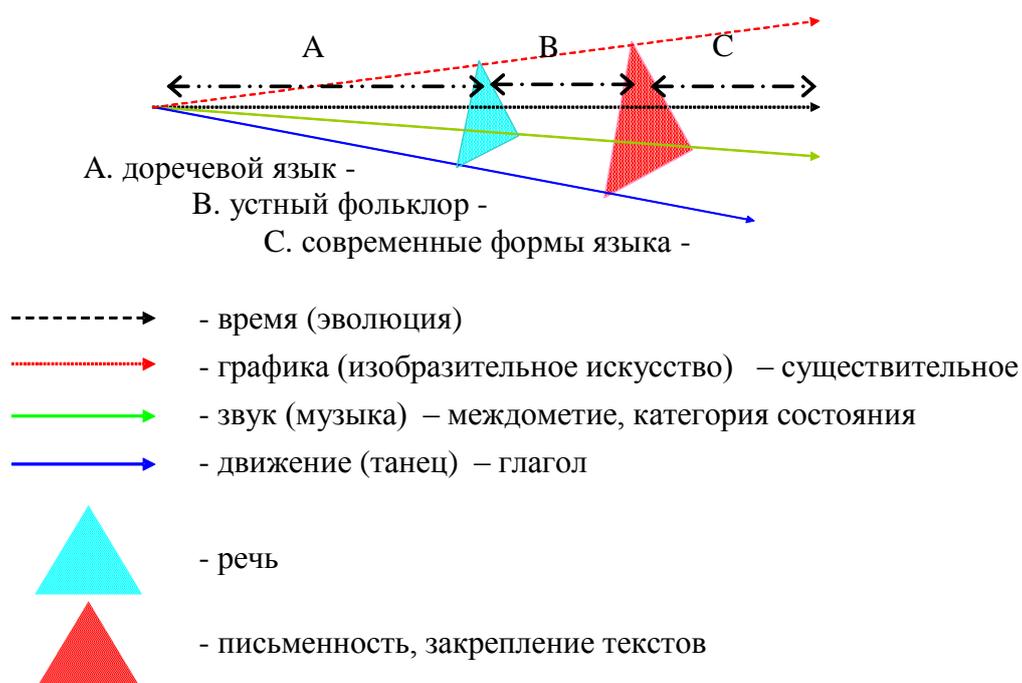

График 1. Эволюция языка

Первая секция пирамиды графика – это доречевой период языка, вторая секция – период активной роли устного творчества как средства хранения и передачи информации, третья секция – период письменности как средства коммуникации,

² Происходит поступательное включение голосовых (междометийных), а затем и речевых компонентов в ритуальный или обрядовый презентационный акт. Эта тенденция (в части постепенного замещения междометийных элементов словами речи) наблюдается при сравнительном изучении ритуалов примитивных и развивающихся культур, архаичных текстов наиболее древних фольклорных жанров (заговоры, плачи, ритуальные инициации) (Веселовский 1989; Пивоев 1991).

передачи и хранения информации. Условная нулевая точка принята за начало отчёта.

В процессе популяризации письма и упорядочения его правил и приёмов была замечена разница между словами в их отношении к обозначаемым объектам, действиям и характеристикам. Эта разница признается “лексико-грамматической”, а сама классификация словарного запаса, по своей сути, является попыткой его систематизации на основании доречевого происхождения слов, означенных словами физически ощущаемых особенностей объектов и явлений, и затем, по признакам их лингвистической принадлежности к различным лексико-грамматическим классам, то есть, частям речи.

Метод построен на соответствии трёх основополагающих лингвистических категорий языковой грамматической конструкции – существительных, глаголов и междометий – трём основным видам искусства – графике (изобразительному искусству), движению (танцу) и звукам (музыке) по их моторным и выразительным качествам. Так, древний человек, овладевая азами языка, не столько использовал природный речевой аппарат, сколько передавал информацию соплеменникам изображением реальных предметов или указанием на них (графической презентацией), инсценированием движения (танцем) и звуковой эмоциональной окраской (музыкой). Это позволяет утверждать, что этимологически такие виды фольклора как графика, музыка и танец восходят, соответственно, к увиденным им предметам и сценам, услышанным звукам окружающего мира и ощущаемому или видимому движению объектов. Подобные средства передачи информации по своей лингвистической сути могут быть определены и дифференцированы в соответствии со своей принадлежностью к одному из трёх классов – существительным, глаголам или междометиям (категориям состояния). И если применить “механику” формирования символа (*symbol formation*) и утрату значения (*lapse of meaning*) к многомедийному, триадному словообразованию, то теория Вернера обретает законченную логику. Прежде всего, происходит описание объекта посредством движений, подражательной жестикуляции и/или использованием рисунка и вокальной, голосовой экспрессией. Так создаётся сложный многомедийный концепт (символ³). Далее, этот концепт (или символ) подвергается процессу нивелирования и, утрачивая излишние элементы медий (“потеря значения”), превращается, преимущественно, в голосовой знак, а в дальнейшем, после полной вокализации – в речевой, то есть, становится словом.

³ Благодаря триадной (визуально-аудио-кинетической) классификации знаков, мы можем определить термин *символ* как концепт в его развитии в качество *знака*, в качестве элементарной единицы одной из названных выше категорий, имеющих прямое обращение к рецепторной системе человека. Стремление концепта (или текста) к обретению, на основании своей критической природной или культурной значимости, статуса знака, предполагает биологическую природу такой тенденции и указывает на особенность работы нашего сознания, которая неумышленно или умышленно задействована в становлении знаковости алфавитов, чисел, тотемов, эмблем, иконических репрезентаций, логотипов, т.д. и которая являлась важным инструментом доречевого словообразования и трансформации доречевых слов в единый звуковой знак (см. стр.18).

Известно, что весь окружающий человека физический мир, все объекты и явления воспринимаются только на основе рецепторов, то есть, физиологически. Опираясь на данный объективный факт, предлагаемый общефилософский метод относит три лингвистические категории – существительные, глаголы, междометия – в их этимологическом соответствии графике, движению и звуку ко всей системе восприятия человеком окружающего мира, и рассматривает подобное соотношение как обусловленное природой и единственно физиологически возможное. Следуя данному положению, графикой являются все воспринимаемые объекты и явления, которые по своей лингвистической сути могут быть отнесены к классу существительных, движением – динамические характеристики объектов и явления, отнесённые по своей лингвистической сути к классу глаголов, а звуком – к классу междометий. Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения лингвистической науки не только предмет или явление, даже *не будучи названными словом*⁴, но и весь окружающий нас мир состоит только из существительных, глаголов и междометий. Другими словами, речь идёт об универсальных типах семиотических знаков, которыми мы оперируем при восприятии и передаче (не обязательно речевой) информации и которые являются предметом изучения лингвистикой науки. (Эквивалент лингвистическому восприятию материальной действительности в качестве существительных, глаголов, междометий (графики, движения, звука) можно видеть в классической физике, с точки зрения которой материя ощутима человеком в качестве твёрдого, жидкого или газообразного агрегатного состояния.)⁵ Что же касается появления качественных оценок в процессе вокализации триадного языка и развития речи, то: прилагательные возникали на стыке изображения и звука (графики и музыки), причастия – на стыке изображения и движения (графики и танца), наречия – движения и звука (танца и музыки). Подобная структура предполагает, что активное включение междометий в доречевой языковой акт, постепенно вытесняющее графические и моторные элементы на второй план и стимулирующее всё более широкое использование речевых компонентов в языковом действии, являлась по своему характеру словообразовательным процессом. “Вторжение” междометий “озвучивало” коммуникативные элементы, наделяя сами междометия функциями существительных и глаголов.

Очевидно, что переход к речи был продолжительным и сложным психолингвистическим процессом абстрагирования “рисуночной сознательности” и “семиотики тела” в фонетические знаки на основе уже имеющих звуковых обозначений, которые, в свою очередь, стали играть активную словообразовательную и морфологическую роль. Процесс вокализации,

⁴ Определение с позиции знаковой классификации С. Пирса данного синтаксического восприятия знаков стало бы полезным дополнением семиотического исследования.

⁵ Сегодня в физике известны и иные агрегатные состояния материи, также как в современной лингвистике приняты не только три вышеназванные категории. Однако, классические (эпистемологически отправные) определения остаются базовыми феноменологическими константами, на основе и при помощи которых совершенствуются научные знания.

выделявшей звук в основной инструмент коммуникации, имел существенное влияние и на физиологию человека (примером чего может служить развитие речевого аппарата), и на оценку им окружающего мира в целом и межличностных отношений в частности (например, процесс социализации). Именно с этого этапа устное народное творчество приобретает истинный и полный смысл своего значения. В этом усматривается естественная зависимость необходимости совершенствования качества и способов хранения и обмена информацией от увеличения её количества. (Сегодня широко используются внебиологические, опосредованные способы – письмо, книги, механические и электронные накопители и т.д.).

Итак, Триада (графика-движение-звук) – это первый естественный язык, основанный на двух принципиальных соответствиях: соответствии визуальной, кинетической и аудиальной систем восприятия трём медиям выражения – графике, движению и звуку, и на соответствии самих систем восприятия и медий выражения трём основным грамматическим категориям – существительным, глаголам и междометиям. Метод Триады – это теоретический подход к интерпретации важных культурных процессов в их эволюционном развитии с точки зрения вышеприведённых синтаксических соответствий.

Предположим, что мы имеем коммуникационную систему, в которой графика обозначена как □, движение – ○, а звук – △.

В доречевом языке процесс передачи информации характеризуется последовательной активизацией всех трёх медий или их сочетаниями, что может быть выражено следующими условными комбинациями:

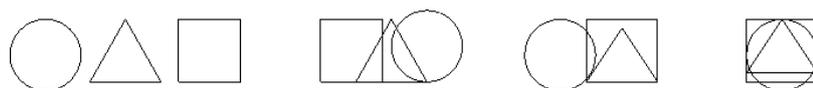

График 2. Примеры использования медий Триады и их сочетаний в доречевой коммуникации.

Каждый графический символ, представленный на примерах *Графика 2*, по характеру словообразовательной функции, не только несёт определённый синтаксический заряд, но и одновременно может являться граммемой. Это раскрывает ещё одну существенную сторону Триады: грамматический код доречевого языка, хотя и имеет в своей основе три части речи, тем не менее, не может быть описан и анализирован только с позиции грамматических правил языка речевого и, тем более, письменного. Последовательность и степень сочетания медий, в предложенной схеме, может быть характерна не только для синтаксического порядка, но и рассматриваться с точки зрения морфологической. То есть, можно заметить единство синтаксических закономерностей, как в образовании предложений, так и в словообразовании доречевого языка. Однако, забегая вперёд, можно предположить активность тех же синтаксических тенденций на речевом уровне. И не только в словообразовании и конструкции предложений, но и на уровне структурирования более сложных устных, современных литературных и даже нелитературных текстов. Заслуживает

внимания и сравнительное изучение эмпиричности семантики лингвистических единиц доречевого и речевого языка.

Моторные действия, происходя на недифференцированном уровне (Werner, 1957), который Д. Бекертон определил как “a free-for-all, catch-as-catch-can mode” (Bickerton, 2007: 512), лежат в основе формирования триадного синтаксиса и возникают на уровне натуральных реакций всего организма, постепенно развиваясь в устойчивые организованные формы выражения, восприятия и хранения в памяти. Однако, ещё остаётся без ответа вопрос: что явилось триггером и что стало биологической причиной развития именно таких реакций организма?

На этапе, когда речь все более энергично берет на себя функции способа обмена информацией, человек, все ещё продолжая использовать элементы доречевого языка, приобретает качественно новый, эстетический опыт (музыка, танец и живопись), при помощи которого оптимизируются и совершенствуются формы передачи, восприятия и сохранения в памяти устной информации. В процессе овладения человеком речью постепенно утрачивается языковая утилитарность "изображения", "движения, жеста" и "звука" и происходит смещение данных доречевых медий в область эстетическую. Начинается переосмысление прежних компонентов доречевого языка, выступавших в качестве ритуальной символики значений, форм и методов передачи информации, в новые абстрактные категории, в которых графика, движение и звук приобретают содержание, формы и методы выражения видов искусства. Ю.М. Лотман считал язык главной моделирующей системой познания и осознания, а искусство рассматривал в ряду вторичных, то есть, аналогом действительности, переведённым на язык главной системы и являющейся реализацией содержащейся в модели информации на основе иконических знаков (Лотман, Ю. 1967). Однако, метод Триады даёт возможность установить тождественность основных элементов того, что мы сегодня называем искусством со способами выражения доречевого языкового акта. То есть, эти элементы остаются в статусе первичной реальности вплоть до развития и распространения речевого языка, до тех пор, пока не утрачивается их чисто коммуникативная утилитарность. Для передачи языковой информации методом Триады, прежде всего, требовались навыки и определённый талант исполнителя языкового акта (это можно наблюдать на примере ритуалов современных примитивных культур), так как качество преподнесения информации во многих ситуациях имело жизненно важное, а не эстетическое, значение для соплеменников. То есть, наличие подобного мастерства диктовалось инстинктом самосохранения и, вероятно, могло иметь определённое значение и в самом процессе естественного отбора. Постоянный поиск наиболее полного, доступного и выразительного способа передачи доречевой информации находился в зависимости от непрерывного совершенствования самих навыков передачи и выражения и являлся важным условием выживания и функционирования доречевого языка. В ходе последующего этапа возникновения речи и развития искусств эти навыки становятся основой эстетических требований, формируя эстетическое восприятие. Такой подход к изучению сути искусства и эстетики представляется полезным

дополнением к исследованиям не только в области когнитивистики (Efland 2002), но и в нейробиологии (Zeki 1998) и др.

Живопись, музыка, танец и их произвольный симбиоз, продолжая развиваться в своём новом, эстетическом качестве, становятся основными “лабораториями” по разработке абстрактных понятий и, соответственно, проверке и совершенствованию их свойств и качеств. Можно утверждать, что искусство, как вид культурной деятельности человека, берет начало со времени формирования доречевых языковых средств коммуникации и становится самостоятельным культурно-эстетическим процессом с периода утраты своих чисто языковых функций. В связи с жизненной необходимостью точности в достижении семантической адекватности доречевого акта предметам и явлениям реальности, этимологической основе эстетического, нужно обратить внимание и на существование, по крайней мере, трёх уровней такого процесса. Первый, характерен стремлением к верности слова по отношению к его позиции в предложении (семантика как таковая), второй – позицией предложения в тексте (литературность, эстетичность текста), третий – позицией текста по отношению к культуре восприятия реальности (этика).⁶ Неповторимость любого творчества обусловлена, в конечном счёте, относительным характером познания. Один и тот же предмет, одно и то же явление, процесс, в зависимости от творческой индивидуальности передающего, может быть описан или выражен различными способами, дополняющими друг друга, с различной степенью достоверности и полноты. Более того, если учитывать тезис о важности хранения и передачи информации для человека как способа биологического и социального выживания и в совокупности с многообразием форм выразительности триадного языка, то становится очевидным стремление каждого коллектива использовать свои средства передачи информации и даже создание дезинформирующих. Культурно обусловленное своеобразие доречевых форм и средств выражения, а впоследствии – фольклора и искусства в целом, ставит под сомнение возникновение и существование так называемого “единого” языка даже в период зарождения речевой деятельности.

Таким образом, искусство – это мастерство передачи определённой информации зрителю или слушателю посредством только одной из трёх медий (графика, музыка или танец), или их совокупностью (многомедийность) – театр, балет, опера, кинематограф. Литература как вид искусства – мастерство передачи информации при помощи письма – ведёт начало со времени изобретения письма. В лингвистических терминах: изобразительное искусство (включая архитектуру, ландшафтный дизайн и прочие графические жанры и элементы графической презентации в смешанных медиах) – попытка выражения при помощи *существительных*; танец, пантомима, элементы движения в смешанных видах и жанровых приёмах – выражение при помощи *глаголов*; музыкальное искусство в его многообразии – выражение раздражательных элементов и эмоциональных характеристик при помощи *междометий*.⁷

⁶ В своей совокупности, эти процессы часто рассматриваются с позиции мимесиса.

⁷ Ю.Лотман многократно подчеркивал и исследовал мысль о законченной самостоятельности языков разных видов искусства, а также “переводимости” языка

Нельзя не отметить подлинную мультимедийность и интерактивность языка в доречевой период, позволяющие провести параллели со стремлением современных средств информации и современных образовательных методик к достижению мультимедийности и интерактивности на основе все той же триады – графики, движения и звука, но перенесённых на более высокий технологический уровень. Косвенно, это подтверждается и семиотическими исследованиями “читаемости” культурных знаков кинематографа (Lotman, J. 1976), цирка (Bouissac 1985) и т.д. Семиотика относится к реальности, как к тексту, читает ее, как книгу, соотнося значение и знак. Надо сказать, что эта “книга” реальности “написана” (физически представлена) только тремя категориями знаков: существительными, глаголами и междометиями.

На основании метода можно утверждать, что эволюция языка, как основного элемента сознания, на определенном качественном этапе (увеличение рутинного использования вокализаций в коммуникативном акте) явилась биологическим триггером развития речевого аппарата и речи, что привело, одновременно с этим развитием, к переустройству некоторых прежних психологических моделей восприятия действительности (например, художественно-эстетическое) и выражения отношения к этой действительности.

Однако, физические навыки графического и моторного элементов Триады не растворились бесследно в процессе развития речевой и письменной форм языкового выражения. Напротив, примеры интеграции графики в иероглифическое письмо, а моторики – в жестовые искусственные (кинестетические) языки доказывают, что главные элементы доречевого языка не ассимилировались, а, видоизменяясь в процессе эволюции, определились в качестве составляющей части более прогрессивных лингвистических структур. Развитие новых языковых форм выражения происходило путём надстраивания над триадными формами, а не на полной их замене. Рецепторное внеречевое, восприятие окружающего на основе триадного синтаксиса характерно для современного человека и является условием его сознательного восприятия действительности. Постоянное восприятие информации, её анализ и реакции на эту информацию происходят как вне речевого контекста, так и во время речевой коммуникации. Это постоянное состояние физиологии человека, активно присутствуя в период речевой коммуникации, значительно дополняет информационную ценность речевого акта. И если речевой язык этого акта может быть одним из числа существующих языков, то внеречевое восприятие универсально, а реакции на него адекватны поведенческому и культурному своеобразию человека. Очень часто в акте коммуникации речь служит только лишь дополнением к той информации, которая воспринимается в триадной системе языковых знаков. В других случаях, при доминировании речевой информации, возникает необходимость верификационного дополнения её знаками триадной системы. В обоих случаях эта необходимость диктуется стремлением к полноценности языкового акта. Таким образом, современный языковой акт не всегда может быть информационно полноценным без использования речи или без

одного вида искусства на язык другого и взаимной дополняемости в видовом и жанровом смешениях (Лотман, Ю. 2002б: 72, 3.1.3).

использования триадного восприятия. Из этого можно заключить, что современный языковой акт включает в себя два активных компонента – речь и язык триады.

ПОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Можно также предположить, что в доречевой период Триада являлась единственным инструментом познания, критериями которого выступали элементарные категории языка – существительные, глаголы и междометия при их соответствии простейшим физическим качествам окружающей природы, таким, как предметы и живые объекты, явления и звуки. С начала периода развития речевой формы языка происходит конкретизация категорий качества, времени, расстояния и одновременно расширяется число критериев познания. *График 3* демонстрирует связь между информацией, эволюцией самой Триады и процессом познания и построен исключительно на условных точках, значение которых в эволюции языка были затронуты выше, и может быть изменён в зависимости от включения новых объектов исследования.

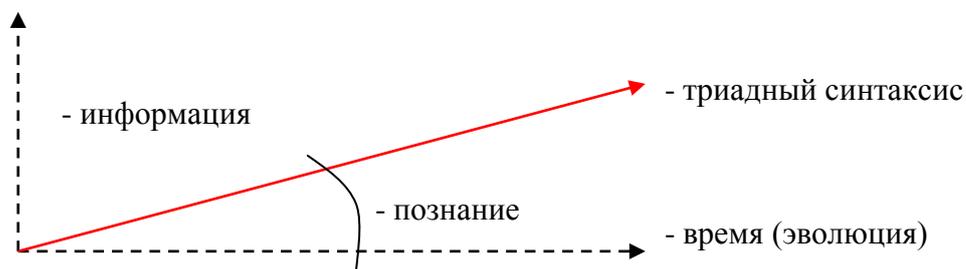

График 3. Связь Триады и познания.

За нулевую точку в графике принята совокупность антропологических характеристик процесса эволюции – возникновение Культуры в противопоставлении Природе и образование системы доречевого языка в сочетании со способностью человека к воплощению культурной деятельности посредством навыков первого, доречевого языка. Между векторами информации и эволюции представлен сектор, условно обозначающий познание, или, формулируя в лингвистическом термине, словообразование. Слова представляют собой имена объектов познания, связей и отношений между ними, а расширение “словарного запаса” происходило независимо от того, какими средствами слова выражались или воспринимались. О существовании подобной связи утверждал К. Поппер, соотнося человеческую способность познавать, как и способность производить специфически научное знание, с результатами естественного отбора и с эволюцией специфически человеческого языка (Popper 1984). Таким образом, если принять подобную связь Триады (языка) и познания за эволюционно обусловленную, становится очевидной взаимозависимость всего процесса познания с объемом и качеством усвоенной информации. Сформулированное выше положение о трех медиях доречевого языка позволяет представить графически возможные “грамматические” сочетания элементов передаваемой информации в триадном языке.

В современных публикациях, посвящённых, в частности, исследованиям частей речи, не содержится сколько-либо систематизированного обращения к “грамматическому” строению доречевого языка. Прежде всего, из-за отсутствия убедительных исследований в этой области. Поэтому, такое положение отчасти снижает полноту и верность научной информации, отражаемой этими изданиями. Так, в части аргументации отдельных утверждений и выводов, при попытках соотнесения грамматической организации языка с процессом познания, допускаются серьёзные натяжки. Не трудно согласиться с тем, что процесс познания ведёт начало с доречевого периода и к этапу вокализации навыков доречевой коммуникации (появлению речи) уже имел структуру и механизмы словообразования. На этот счёт и сегодня существует активный этнологический и антропологический материал. Системы ассоциативных рядов, которые в доречевом языке были представлены сложными коммуникативными актами (мультимедийными презентациями) или их элементами, символизировали объекты и явления окружающего мира. Однако, в трудах, посвящённых этой теме, авторы утверждают, что объекты и явления, “символизировались” словами речи или, в крайнем случае, звуками. Таким образом, анализ процесса познания в его связи со словообразованием, в новых публикациях принимает спекулятивный или слабо-аргументированный характер. Такой подход, исключая доречевую стадию эволюции языка и словообразовательных тенденций, не позволяет оценить и изучать роль междометий и их ведущей позиции в процессе эволюции языка в целом, вокализации и речевого словообразования, в частности.

Представляется недостаточным и малопродуктивным подход к изучению эволюции языка только на основе фактической базы данных, связанных с эволюцией речевого аппарата и речи. Всё более увеличивающееся количество палеонтологических, антропологических, археологических, этнолингвистических материалов, исследований в области психологии и биологии подтверждают факт, что эволюция языка и эволюция речевого аппарата и речи разделены очень значительной временной дистанцией и имеют в своих эволюционных основах совершенно разные биологические триггеры. Сейчас мы можем говорить, что эволюция языка, как биологического и как семиотического фактора, тесно связана с феноменом сознания и процессом познания, в то время как эволюция речи – процесс физиологического усовершенствования *навыков* коммуникации, связанный с рутинным использованием и совершенствованием вокализации и, как следствие, приведший к развитию специфической (обусловленной возможностями медиации) знаковой системы, характерной для речевого выражения и восприятия языковой информации. Многочисленные эксперименты с животными указывают на то, что успешное обучение животных *навыкам* коммуникации *по предлагаемым им* этологами семиотическим и синтаксическим правилам, не приводит к эффекту, даже отдалённо напоминающему эффект обучения языку у детей. Как было сказано выше, человек может воспринимать мир, используя обусловленный рецепторами визуально-аудио-кинетический синтаксис в его единстве, как одно целое. Отсутствие такой “предрасположенности” у животных – ещё одно подтверждение того, что в их биологической эволюции не было этапа эволюции языка. (Возможно, что это является причиной отсутствия у шимпанзе характерной для человека формы гена FOXP2). В то же время, эти опыты

свидетельствуют о том, что речь – это лишь один из принятых способов или развитых *навыков использования* языка; что даже для коммуникации с животными довольно придумать инструментальный способ обмена информацией. Сама методика экспериментов показала, что роль речи, как таковой, поскольку она абсурдна в общении с животными, совсем не принципиальна в акте коммуникации. Экспериментальные коммуникации с животными нужно рассматривать как документированный факт рефлекторного обращения экспериментаторов к языку триады, к триадному синтаксису, для достижения удовлетворительного информационного обмена. Кроме этого, даже в самых сложных опытах с шимпанзе у приматов не произошло каких-либо систематических, “мировоззренческих”, эвристических (структурно семантических, то есть синтаксически организованных) изменений в поведении. Лишь отдельные направленно стимулированные экспериментаторами приёмы нашли обиходное применение в жизни некоторых из подопытных животных.

Речь, со своими медийными или инструментальными возможностями, безусловно, повлияла, а точнее, предоставила возможность дальнейшего развития языка (как семиотического, так и физиологического феноменов) в качестве наиболее удачной медиации для выражения и восприятия. В то же самое время, это развитие диктовалось потребностями или достаточностью в культурных и экологических сферах и привносило известную разнородность в характере вокализаций и, далее, по ходу развития навыков речи, непохожесть в семантике, в фонетике, в способах строения речевых грамматических конструкций. Сейчас никто не может серьёзно утверждать, что речь появилась у всех древних людей вдруг, одновременно, без какой-либо языковой доречевой традиции и что это был единый для всех речевой язык. Однако, язык мультимедийной интеракции, основанный на универсальном синтаксисе Триады – графика, движение, звук – и сейчас нам доступен и понятен вне зависимости от того, каким речевым языком мы обиходно пользуемся и вне зависимости от его грамматических правил и синтаксиса. То есть, мы в полной степени воспринимаем два типа синтаксиса.

При всей универсальности восприятия человеком окружающего мира путём триадной знаковой систематики, способы и формы актов выражения, подчинённые тем же правилам той же системы, но всегда зависящие от объективных и субъективных факторов, не могли иметь полного единообразия выразительных средств у разных групп. Использование в акте коммуникации навыков визуальной, аудиальной и кинетической презентации всегда и в полной мере зависело, как и зависит сейчас, от индивидуальных физических навыков и элементов креативности использования приёмов выражения. Новые ситуации или объекты не могли и не могут быть репрезентированы доречевыми медирами идентично всеми членами группы или племени. Легко представить, что один и тот же объект можно “описать”, репрезентировать, сформировать его символ (*symbol formation*) на основании различных его качеств. Таким образом, если некий объект имеет пять особенных черт отличия, то эти характерные черты могут или могли быть представлены по-разному в языковых репрезентативных актах членов группы – в той или иной форме, с разной степенью гиперболизации и степенью полноты, точности и т.д. Такой процесс уже в самой основе имеет очень значительный стимул к познанию и является, по сути, важным составляющим

элементом доречевого языка. Или, в обратной проекции, – доречевая коммуникация являлась составляющим элементом процесса познания, что подчёркивает полную взаимозависимость или единство этих феноменов. В процессе нивелирования, утери отдельных презентационных черт (*lapse of meaning*), консенсусно входит в коммуникационный оборот новый языковой знак, принятый и понятный всеми членами группы (см. стр.9, сноска 2). Не меньшую когнитивную ценность должен содержать и процесс образования языкового репрезентативного знака объекта или явления со слабо или сложно выраженным своеобразием. Такой, по своей сути, аналитический аспект в подходе к формированию доречевого знака должен был служить толчком к лучшему освоению среды и укреплять позицию вида в борьбе за существование на новой основе – основе внегенетических знаний.⁸ Триадная синтаксическая систематизация знаков, возможно, служила и более прогрессивной формой организации памяти. Для оценки фундаментальности этих естественных для доречевого языка процессов с точки зрения эволюционного развития достаточно обратиться к палеонтологическому датированию первых физических материалов характерных для свидетельства разумной деятельности (*Bednarik 1990; 2006; etc.*)⁹. В отличие от других методов изучения эволюции языка, метод триады значительно увеличивает временные границы языковой активности человека, не ограничиваясь рамками речевой инструментализации языка. Метод определяет сам фактор разумной деятельности как исходный, единый при составляющих его:

- а) процесс языковой коммуникации,
- б) процесс познания и
- в) процесс культурного освоения, влияния на среду,

где ни один из перечисленных процессов не предшествует другому, а представлен в полной и естественной взаимной зависимости, будучи единым продуктом, результатом естественного отбора. Депрессия или активность какого-либо из этих процессов влечет за собой изменения качеств других процессов, а теоретическое исключение одного из них делает невозможным факт существования остальных. В свою очередь, это ведет к определению языка (*la langage*) как культурного результата биологической способности осознанного восприятия и адекватного и синтаксически структурированного инициирования одиночных или смешанных ответных моторных реакций. Такой культурный результат воплощен в

⁸ Практически, в лингвистических терминах, современный процесс познания – это верификация семантики словаря речевого языка.

⁹ Эволюция рисунка из примитивных элементов наскальной графики в знаки современного письма имеет очень древнюю историю и является продуктом развития психологической способности человека к восприятию и интерпретации статичного знака как триадного “существительного”, а затем как рисованного, высеченного, печатного глагола, междометия, прилагательного и т.д. Эволюция наскального рисунка может быть сравнима с эволюцией восприятия и интерпретации звука как триадного “междометия”, а затем его восприятие в качестве существительного, глагола, прилагательного и т.д. в процессе развития навыков речи, как основанные на единых тенденциях развития физиологических способностей, нашедших материальное отражение в семиотическом морфогенезе этих медий.

бесчисленном множестве семиотических знаков, которые мы можем воспринять и способны выразить (создать) и которые составляют культурную среду человека.

Логично будет предположить существование двух этапов процесса становления языковой деятельности у детей. Первый – это этап появления триадного (“бессловесного”) восприятия, протекающий параллельно с физиологическим развитием сенсорно-моторных систем ребёнка (до 9 месяцев). Как результат своевременно инициированного и хорошо сбалансированного развития рецепторных систем, это восприятие имеет такое же метафорическое отношение к идее биологически заданных параметров (Chomsky 1980), как и, например, прямохождение человека. Второй – это этап усвоения грамматической матрицы и развития навыков родной устной речи, путём постоянного и направленного воздействия культурной среды, что подтверждается исследованиями в психологии развития (Gogate, Walker-Andrews, Bahrick 2001).

К ВОПРОСУ ЗАВИСИМОСТИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Противоречия, возникающие при рассмотрении языка и культуры, как отношения частного к общему, также иллюстрируют глубокое непонимание различия двух упомянутых сущностей – языка и речи. Происходит банальная подмена терминов: сначала язык отождествляется с культурой на основании общности их семиотической природы, т.е. рассматривается как *la langage*, но затем, без каких-либо уточнений, исследуется в качестве *la parole*, приводя в недоумение самих же авторов и толкая их на рискованные обобщения. При всем многообразии подходов к изучению языка (*la langage*) и культуры, даже признавая единство их знаковой сути, почему-то осталась нетронутой мысль о том, что культура и язык – это один феномен, рассматриваемый с двух разных позиций – с позиции культурологической и с позиции лингвистической. Что язык (*la langage*) и культура, будучи единым антропологическим феноменом, не могут находиться в какой-либо подчиненной зависимости друг от друга, а зависимы только от собственного единства, определяемого как сознательная деятельность. Такой подход близок к идеологическим основам традиции тартуско-московской семиотической школы (Лотман, М 2002: 13). В зависимости от культуры находится *la parole*, что и положено в основу теории Лингвистической Относительности Сафира и Ворфа. Таким образом, только определённый национальный язык, возникший на основе своеобразия вокализации при развитии речевых навыков и их грамматических форм, находится в зависимости от своеобразия своей культурной основы. Формирование же культурных основ приходится на период доречевых языковых тенденций, когда основным стимулом развития языка служили факторы сохранения вида и естественного отбора, а не культурные тенденции как таковые. При таком исследовании языка и культуры чётко обнаруживается биологическая основа языка и медийная, инструментальная природа речи.

Подобное противоречие заключено и в утверждениях, типа “Присущее человеку познание есть продукт человеческой культуры” (Tomasello 2005), о якобы существующем приоритетном отношении подчиненности познания культуре или культуры познанию. Вместе с тем, представляется важным в исследованиях не терять фокус на том, что составляющие разумную деятельность

факторы (язык, познание, культура) подчинены общности своего развития, а так же абсолютной и равной взаимозависимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В попытке обойти узость научного подхода, предложенного лингвистическими школами 60-х годов XX-го века и вне традиционных объяснений остаются работы лингвистов (Everett 2005; Evans 2003; Nisbett, Norenzayan 2002 и др.) и исследователей таких дисциплин как антропология культуры, археология, экспериментальная психология, палеонтология и нейробиология (Zeki 1998). Вновь привлекают внимание некоторые положения теории Лингвистической Относительности.

Метод триады даёт возможность развития нового подхода в изучении многих культурных процессов, к оценке накопленных научных данных лингвистики и смежных наук. Предлагаемый метод позволяет рационально характеризовать эволюционный период бытования устного народного творчества и фольклора в целом, в единстве с общим культурным развитием и без логического отрыва от закономерностей прочих биологических процессов. Он позволяет отметить и рассмотреть отдельные эволюционные и исторические рубежи культурной деятельности человека, дать оценку современному этапу развития культурных и языковых тенденций, переосмыслить и конкретизировать отдельные аспекты языкознания, семиотики, психологии, уточнить эпистемологические и терминологические границы науки о языке, а так же сформулировать основанную на истории, а не на философии, этимологию искусства и эстетики. При использовании метода Триады в дисциплинах, занимающихся вопросами развития общества, возможно построение моделей развития языка в примитивных культурах и эволюции самих культур, а также теоретически обосновать методики обучения родным и иностранным языкам на ранних этапах.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский, Александр Н. 1989. Три главы из исторической поэтики. *Историческая поэтика*, 269 – 298. Москва: Высшая школа.
- Жирмунский Виктор, М. 1979. Сравнительное литературоведение. Ред. Н.А. Жирмунской. Восток – Запад. Ленинград: Наука.
- Лотман, Михаил Ю. 2002. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе. *Ю.М.Лотман. История и типология русской культуры*, 5–20. Санкт-Петербург: Искусство-СПб.
- Лотман, Юрий М. 1967. Тезисы к проблеме. Искусство в ряду моделирующих систем. *Ученые записки Тартуского Государственного Университета* 198, 130–145.
- Лотман, Юрий М. 2002. *Статьи по семиотике культуры и искусства*. Мир искусств. СПб: Академический проект.
- Лотман, Юрий М. 2002. Динамические механизмы семиотических систем, 71–74. *История и типология русской культуры*, 5-20. Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

- Лукин, Олег В. 1999. Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика). *Вопросы языкознания* 1, 131–141. М.
- Пивоев, Василий М. 1991. *Мифологическое сознание как способ освоения мира*. Петрозаводск: Карелия.
- Шовен, Реми 1972. *Поведение животных*. Ред. Л. В. Крушинский. Москва: Мир.
- Anderson, Stephen R., David W. Lightfoot 2002. *The language organ: linguistics as cognitive psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Armstrong, David F., William C. Stokoe, Sherman E. Wilcox 1994. Signs of the origin of the syntax. *Current Anthropology* 35. 4, 349–368.
- Bednarik, Robert G. 1990. On the cognitive development of hominids. *Man and Environment* 15. 2, 1–7.
- Bednarik, Robert G. 2006. The Lower and Middle Paleolithic origins of semiotics. In Alexander V. Yevglevsky (ed.), *Structural and Semiotic Investigation in Archaeology*, vol. 3, 89–107. Donetsk: Donetsk University Press.
- Ben-Amos, Dan 1983. The idea of folklore: An essay. In Issachar Ben-Ami, Joseph Dan (eds.), *Folklore Research Centre Studies*, vol. 7, 11–17, Jerusalem: The Magnes Press.
- Bickerton, Derek 2007. Language evolution: A brief guide for linguists. *Lingua* 117, 510–526.
- Bouissac, Paul 1985. *Circus and culture: A semiotic approach*. Lanham, MD: University Press of America.
- Chomsky, Noam 1965. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Chomsky, Noam 1980. *Rules and Representations*. New York: Columbia University Press.
- Deacon, Terrence W. 1997. *The symbolic species: The co-evolution of language and the brain*. London: Penguin Press.
- Efland, Arthur D. 2002. *Art & Cognition: Integrating the Visual Arts in the Curriculum*. New York & VA: Teachers College Press & National Art Education Association.
- Eimas, Peter D., Joanne L. Miller, Peter W. Jusczyk 1987. On infant speech perception and the acquisition of language. In Stevan Harnad (ed.), *Categorical Perception: The Groundwork of Cognition*, 161–195. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ellen, Roy F. 1977. Anatomical classification and the semiotics of the body. In John Blacking (ed.), *The Anthropology of the Body*, 343–373. London: Academic Press.
- Evens, Nickolas 2003. *Bininj Gun-wok: a pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune*. Vol. 1, 2. Canberra: Pacific Linguistics.
- Evens, Nicholas, Stephen C. Levinson 2009. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences* 5. vol.32, 429–448.
- Everett, Daniel L. 2005. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Piraha: Another Look at the Design Features of Human Language. *Current Anthropology* 4. vol. 46, 621–646.
- Erickson, Keith V. (ed.) 1974. *Aristotle: The classical heritage of Rhetoric*. Metuchen, New Jersey.
- Fitch, Tecumseh W. 2000. The evolution of speech: a comparative review. *Cognitive Sciences* 4. 7, 258–267.

- Gardner, Beatrice T., Allen R. Gardner 1971. Two-way communication with an infant chimpanzee. In Allan M. Schrier, Fred Stollnitz (eds.), *Behaviour of non-human primates*, vol. 4, 117–184. New York: Academic Press.
- Gibson, James J. 1982. Reasons for realism. In Edward Reed, Rebecca Jones (eds.), *Selected Essays of James J. Gibson*, 431–437. Hillsdale, NJ & London: Lawrence Erlbaum.
- Gogate, Lakshmi J., Arlen S. Walker-Andrews, Lorraine E. Bahrack 2001. The intersensory origins of word comprehension: ecological-dynamic system view. *Developmental science* 1, vol.1, 1-18.
- Hassler, Marianne 1991. Testosterone and artistic talents. *International Journal of Neuroscience* 56. 1–4, 25–38.
- Lotman, Yury M. 1976. Semiotics of Cinema. Transl. by Mark Suino. *Michigan Slavic Contributions* 5. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Lotman, Yury M. 1990. *Universe of the mind: A semiotic theory of culture*. London & New York: I. B. Tauris.
- McBride, Glen 1973. Comments on primate communication and the gestural origins of language. *Current Anthropology* 14–15, 67–74.
- Nisbett, Richard E.; Ara Norenzayan 2002. Culture and Cognition. In Douglas L. Medin; Hal Pashler (eds.). *Stevens' Handbook of Experimental Psychology*. 3d edn., 561–597. New York: John Wiley & Sons.
- Pfeiffer, John E. 1982. *The creative explosion: an inquiry into the origin of art and religion*. New York: Harper and Row.
- Peirce, Charles Sanders 1955. Logic as Semiotic: The Theory of Signs (1898). In: Justus Bucher (ed.). *Philosophical Writings of Peirce*, 98 – 119. New York: Dover.
- Pinker, Steven 1994. *The language instinct: how the mind creates language*. New York: William Morrow.
- Popper, Karl R. 1984. Evolutionary epistemology. In: Jeffrey W. Pollard (ed.), *Evolutionary Theory: paths into the future*, 239–254. Chichester: John Wiley & Sons.
- Premack, David 1971. Language in chimpanzee? *Science* 172, 808–822.
- Sher, Yakov A. 1997. The petroglyphs – the most ancient image in art folklore. *Rock art of Asia* 2, 28–35. Kemerovo: Kuzbasvuzizdat.
- Taylor, Sir Edward B. 1920. *Primitive Culture*. New York: J.P. Putnam's Sons.
- Tomasello, Michael 2005. Uniquely human cognition is a product of human culture. In: S. Levinson, Pierre Jaisson (eds.), *Evolution and Culture*, 203 – 219. MIT Press.
- Vaneechoutte, Mario, John R. Skoyles 1998. The memetic origin of language: modern humans as musical primates. *Journal of Memetics and Evolutionary Models of Information Transmission* 2, vol.2, 84–117.
- Werner, Heinz; Bernard Kaplan (eds.) 1984. *Symbol formation: an organismic developmental approach to language and the expression of thought* (1963). Hillsdale, NJ & London: Lawrence Erlbaum.
- Werner, Heinz 1957. The concept of development from a comparative and organismic point of view. In Dale B. Harris (ed.). *The concept of development*, 125–148. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Zeki, Semir 1998. Art and The Brain. *Daedalus* 2, 71-103.

Контактная информация:

Vladimir Breskin
Linguist, Independent scholar
Melbourne, Australia
breskin@gmail.com